

ПОПАДАНЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ
ЯД ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрация *Анатолия Дубовика*

Гончаров, Андрей Борисович.
Г65 Яд для императора / Андрей Гончаров. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Попаданцы специального назначения).

ISBN 978-5-699-89378-2

Группой ученых при высшем руководстве России разработан совершенно секретный проект по заброске в прошлое оперативно-следственной группы. Трое агентов, двое мужчин и одна женщина, должны на месте разобраться с загадочной смертью императора Николая Первого, разоблачить преступника и тем самым изменить вектор невезения, которое с тех пор стало преследовать Российскую империю. Задачу сильно усложняло то обстоятельство, что агенты могли попасть в прошлое голыми и без каких-либо предметов. Оставалась надежда лишь на их высочайший профессионализм, смелость и находчивость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89378-2

© Гончаров А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Разговор проходил не в главном кабинете Его превосходительства, в котором он обычно работал, а в каком-то небольшом кабинетике, располагавшемся в конце коридора, в тупике. Но это было не оттого, что Его превосходительство считал разговор неважным, недостойным своих роскошных апартаментов. Совсем наоборот: разговор был необычайно, небывало важным. А поэтому его было необходимо держать в полном секрете. И разговор, и теперешнего собеседника Его превосходительства — щуплого белокурого человека невысокого роста с полным лицом и располагающей к себе улыбкой. Этого человека не должны были видеть ни секретари, ни помощники Его превосходительства — вообще никто. Потому и был перенесен важнейший разговор в эту невзрачную комнату, и прошли они сюда вдвоем, так, что гостя никто не видел.

— Слушайте меня внимательно, — произнес Его превосходительство. — Вы знаете, я повторять не люблю, не в школе. Итак, император Николай должен умереть не позднее 1860 года. При этом смерть его должна выглядеть совершенно естественной и не возбуждать ни малейших подозрений. Вы меня поняли? Ни малейших! Поэтому я и даю вам такой большой проме-

жуток времени, чтобы вы могли по собственному усмотрению выбрать удобный момент. Чтобы причина, которая могла бы свести русского царя в могилу, была естественной и понятной. Такой причиной может стать болезнь, несчастный случай, пожар... Не знаю, не буду гадать. Вы человек умный и опытный — по крайней мере, так вас рекомендовали, — и сами сможете выбрать и причину, и момент. Вы все поняли?

— Да, Ваше превосходительство, — отвечал гость. — Задание вполне понятно. Но... Могу я позволить себе один вопрос?

— Спрашивайте, — кивнул хозяин кабинета.

— Я никак не могу уразуметь, почему именно император Николай? Ведь у наших стран прекрасные отношения! Можно сказать, мы союзники. Я понимаю, что это не в моей компетенции, что такое решение принимали умнейшие мужи нашей страны, но понять его не могу...

Гость ожидал вспышки гнева со стороны Его превосходительства, однако ее не последовало.

— Хорошо, я отвечу на ваш вопрос, — сказал хозяин кабинета. — И рад, что вы его озвучили, не застилали в себе. Я всегда говорю: исполнитель приказа должен понимать его смысл и значение. Иначе он может совершить непоправимую ошибку. Итак, почему император Николай?

И затем Его превосходительство коротко и четко, как только он умел, изложил подчиненному причины, по которым тот должен был исполнить приказание.

— Ну, теперь у вас остались какие-то вопросы? — спросил он, закончив свое объяснение.

— Нет, Ваше превосходительство, теперь мне все ясно, — ответил гость.

— Тогда держите вот это, — сказал хозяин кабинета и протянул гостю небольшой металлический сундучок — размерами он походил на саквояж, какими часто пользовались врачи. — Здесь средства, которые вам будут необходимы для выполнения задания. Наши ученые, которые готовили этот набор, постарались учесть все. Взрывчатые вещества, револьверы новейшей конструкции, кинжалы, яды... В частности, там имеется недавно открытое новое отравляющее вещество. Мне описали его действие. Мне кажется, это как раз то, что нам нужно. Теперь у вас есть все. Вперед!

Глава 1

Император Николай Павлович, которого некоторые иностранные политики именовали «Железным императором», чувствовал себя нездоровым. Лихорадило, болела грудь, мучил кашель. Началось это все еще на Крещение, когда Государь простудился, начал чихать и был вынужден пользоваться носовым платком (чего терпеть не мог). Не любил самодержец также проявлений слабости — ни в других, ни тем более в себе. А потому только отмахнулся от своего лейб-медика Мартина Мандта, который советовал Государю отлежаться хоть пару дней.

Вместо этого Николай поехал на свадьбу дочери графа Клейнмихеля. При выезде камергер Гримм осмелился заметить Государю, что он слишком легко оделся, а между тем на дворе стоит сильный мороз. «Теперь уже поздно переодеваться», — отвечал самодержец и поехал в одной легкой шинели. Со свадьбы он приехал совсем больным и согласился на уговоры врачей начать лечение: горчичники, пилюльки и примочки.

В следующие дни Николай чувствовал себя ничуть не лучше. Однако он полагался на свое здоровье, которое его до сих пор не подводило. Конечно,

он был уже не молод, ему шел 59-й год, но все еще крепок и полон сил.

Поэтому 9 февраля, почувствовав себя немного лучше, он отправился в Михайловский манеж, на огромный неотапливаемый плац. Врачи опять всполошились, забегали, пытаясь его отговорить, но Государь только отмахнулся от них, как от назойливых мух. Врачи не могли понять государственной необходимости этой поездки. Ведь Николаю предстояло проводить на театр военных действий в Крыму лейб-гвардии Преображенский, Измайловский и Егерский полки. Дела в Крыму шли плохо, соединенная армия англичан, французов и турок одолевала доблестные русские войска; граф Паскевич терпел одно поражение за другим. Тем более важно было императору лично напутствовать воинов, отправлявшихся на битву. Он думал и сам направиться в Крым, чтобы своим присутствием воодушевить армию. И пусть в связи с проклятой хворью эту поездку приходилось отложить, но проводить солдат в путь он был обязан!

Из Манежа Николай вернулся уже совсем больным. Скрыть недуг было невозможно. Несмотря на все старания медиков, Государю становилось все хуже и хуже. Он уже не вставал с постели и даже не ходил на церковную службу. У Николая появилось стеснение в груди, приступы лихорадочного жара сменялись ознобом. 12 февраля Государь повелел наследнику цесаревичу Александру прибыть в Зим-

ний дворец. Речь шла о передаче ему всех государственных дел. Министр государственных имуществ граф Киселев, выслушав это повеление Государя, не мог сдержать слез. Ясно было, что император предчувствовал свой близкий конец...

Правильно говорит пословица: «Пришла беда — отворяй ворота». Как занедужил Государь, так у всех в Зимнем все из рук стало валиться. Хотя, конечно, грех сравнивать великую беду — болезнь помазанника Божия — и такую невеликую неприятность, как гибель чаши лучшего саксонского фарфора, а все одно к одному — расстройство. Великая княжна Ольга, находясь в волнении по случаю болезни своего царственного родителя, изволила уронить чашу с теплой водой, которую несла в комнату отца. Драгоценный расписной фарфор превратился в кучку осколков, которые разлетелись по всему нижнему коридору дворца.

Правда, этой беде было легко пособить. Там, в коридоре, случился царский камердинер Гримм; он тотчас вызвался принести воды вместо великой княжны. А старший лакей Егор Трифонов отправился за веником и совком, чтобы подмести осколки. Вот если бы можно было так же легко справиться с недугом, одолевшим императора! Пока же это не удавалось ни царскому лейб-медику, ученому немцу Мартину Мандту, ни приглашенным им светилам медицины, ни самому Государю, который боролся с хворью, проявляя всю силу своего крепкого характера.

Об этом и размышлял старший лакей Егор Трифонов, пока спускался в подвал, где в особой комнатке хранились метлы, веники и прочие нужные в хозяйстве предметы. Конечно, лакею, даже старшему, размышлять не положено. Для того есть другие лица, приставленные к государственному управлению, а также к военному или научному делу. Но такая уж была у Егора Кузьмича привычка — обдумывать происходящие события; ничего не мог с ней поделать.

Вот и теперь — так задумался над болезнью Государя, что даже мимо нужной двери прошел. Опомнился, только когда дошел до самого конца коридора. Осознав просчет, покачал головой и повернул назад. Но едва лишь сделал пару шагов, как услышал голоса.

Голосов было три: два мужских, а один вроде женский. Доносились они из так называемой Малой гардеробной — комнаты, где хранилась верхняя одежда царственных супругов, приходящаяся не в сезон (например, в данное время — летняя), а также давно не востребованная. В этом факте не было бы ничего удивительного (мало ли, может, лакеям от дворецкого какое приказание вышло, проверить гардероб, разыскать накидку или палантин), если бы не два обстоятельства.

Первое — замок. На дверях гардеробной Егор Трифонов ясно видел красивый замочек, замыкающий прочно задвинутый засов. То есть дверь была заперта. Как же те, говорящие, вошли?

А второе обстоятельство было — содержание разговора. Егор Кузьмич служил давно, с 12 лет, побывал с Государями за границей и здесь, в Петербурге, присутствовал на приемах иностранных послов и всяких гостей, наслушался чужую речь и даже научился ее немного различать. Понимал, когда по-французски изъясняются, а когда по-немецки или, допустим, по-итальянски. Но тут говорили вроде бы на родном русском языке — но слова все как один были непонятные! Лишь изредка мелькало что-то знакомое: «ты», например, или «скажи», или «где». А все остальное время звучало что-то во все несообразное, чего Егор Трифионов уразуметь никак не мог. Например, несколько раз повторилось неизвестное слово «классно», произнесенное с восхищением. Еще Егор Кузьмич различил выражение «ну, ты даешь!» и совершенно неизвестное слово «мобильник».

Старший лакей почувствовал, как волосы у него на голове (немного их осталось, но уж какие есть) зашевелились. Не иначе как бесы в комнате шалят! Те самые бесы, что задумали известить Государя (о чем между слуг уже шел разговор). А может, мазурики? Но нет, невозможно! Никакой тать, будь он самый лихой, не осмелится пробраться в покои помазанника Божия! Если только зарубежные? Но почему тогда слова родные слышны?

В любом случае следовало немедленно известить о случившемся управляющего дворцовым

хозяйством Семена Никитича Худякова. А заодно и начальника дворцового караула его благородие капитана Касаткина. И Егор Трифонов поспешил наверх разыскивать ответственных лиц и сообщать им о своем открытии.

Он так спешил, что едва не забыл совок с веником. Однако вовремя опомнился, покачал головой, подхватил их и направился в коридор, где его ждали остатки разбитой чаши. Бесы бесами (или, допустим, мазурики), а служебный долг должен быть у каждого на первом плане. Так Государь всегда учил. А его заветы следует исполнять. Тем более сейчас, когда самодержец занемог.

Поэтому Егор Трифонов сначала подмел пол, убрал остатки чаши в особую корзину для мусора и только потом отправился разыскивать Семена Никитича и капитана Касаткина.

Управляющий куда-то подевался, так что никто не мог сказать, где его искать. Старший лакей Трифонов расспрашивал всех, кого встречал, но никто не мог ответить ничего определенного. Так, в расспросах, он дошел до самой комнаты Государя. Возникло предположение: а вдруг Его Императорское Величество решили вызвать управляющего, чтобы расспросить его о ведении дворцового хозяйства? Известно было, что царь вникает во все вопросы, не пренебрегая мелочами.

Ни стучаться в покои императора, ни входить туда старший лакей, конечно, не мог. Значит, следовало подождать — может, Семен Никитич вы-

йдет, если он там, а может, кто из лакеев или денщиков, и тогда можно будет спросить.

Так и вышло: дверь императорской комнаты отворилась, и оттуда вышел младший лакей Кругликов с подносом в руках. На подносе стояла недопитая чашка с чаем, рюмка с каким-то лекарством, блюдце с сухими бисквитами — единственным лакомством, которое признавал державший себя в строгости император.

— Скажи, Семен Никитич случайно не у Его Величества находится? — спросил Трифонов. — Если там, то вызови его — у меня срочное дело.

Однако младший лакей Кругликов, вообще-то парень сообразительный и толковый, за что и был взят во дворец, с ответом почему-то не спешил. Словно бы и не слышал обращенного к нему вопроса и самого старшего лакея не видел. Стоял с довольным видом, словно конфету какую с царского стола умял, и бормотал себе под нос что-то по-французски. Егор Кузьмич, немного понимавший чужеземную речь, разобрал: «Fait! Oui, en fait...» («Сделано! Да, сделано!») Дело было понятное: очевидно, Его Величество соизволил отдать лакею какое-то приказание на чужом языке; и вот Кругликов, немного понимавший язык, старался в точности запомнить сказанное.

— Да хватит тебе бормотать! — остановил его Трифонов. — Вижу уже, что запомнил. Скажи, Худяков Семен Никитич не там находится? Не у Государя?

Тут младший лакей наконец опомнился, бормотать перестал, Егору Кузьмичу почтительно поклонился и ответил, что нет, никого нет в комнате, император пребывает один и ждет наследника.

Егор Кузьмич сразу потерял к нему интерес и отправился разыскивать начальника караула. Капитана Касаткина старший лакей обнаружил быстро: тот стоял возле парадного входа. Но едва Егор Трифонов вознамерился подойти к его благородию, как дверь дворца распахнулась, дохнуло холодом (мороз на дворе стоял знатный), и в вестибюль вошел наследник цесаревич, Его Высочество Александр Николаевич. Лицо его, бледное от мороза, а также от постигшего семью горя, было твердым, словно высеченным из льда. Несмотря на мороз, он был не в шубе, а в одной легкой шинели. Император поощрял пренебрежение к удобствам и стойкость не только в подчиненных, но прежде всего в собственном сыне.

— Где папá, у себя? — спросил наследник у начальника караула.

— Так точно, Ваше Высочество, — отвечал капитан. — Мы уж просили Его Величество перейти на второй этаж, где потеплее, но вы же знаете характер Его Величества...

— Знаю, знаю, — отвечал Александр все так же резко. — Я сам, не надо, не провожай.

Он скинул шинель на руки денщика и быстрым шагом пошел направо, в сторону спальни Его Величества. Капитан Касаткин несколько секунд